

Т.В.Лукьянченко

*В.В.Чарнолуский:
певец Земли Саамской*

Саамы — один из коренных малочисленных народов Крайнего Севера Европы, создавший оригинальную культуру оленеводов, рыболовов и охотников. Саамы живут в пределах четырех стран: России, Финляндии, Швеции и Норвегии. Общая их численность в настоящее время около 60 тыс. человек. В России, на Кольском полуострове, насчитывается около двух тысяч саамов. Именно им посвятил свои исследования Владимир Владимирович Чарнолуский — известный этнограф, исследователь жизни, быта, хозяйства и культуры саамов.

Владимир Владимирович родился в интеллигентной дворянской семье в Санкт-Петербурге 31 мая 1894 г. Его отец, Владимир Иванович, был деятелем народного просвещения, основателем и редактором издательства «Знание» и журнала «Вестник народного образования». Мать, Екатерина Матвеевна (девичья фамилия Самуйленко), активно занималась дошкольным образованием, увлекалась музыкой, иностранными языками, была автором, составителем и издателем многих детских книг¹. В семье было трое детей. Старший — сын Владимир и две его сестры: Татьяна и младшая Христина, которая в 16 лет трагически погибла в 1918 г. Чарнолуские имели небольшую усадьбу в Черниговской губернии, близ города Новозыбкова, однако никогда не подчеркивали свою принадлежность к дворянству. Семья Чарнолуских была очень хлебосольна и общительна. Круг их друзей состоял из высокообразованных людей: литераторов, издателей, редакторов, учителей.

Детство и юность Володи прошли в общении, с одной стороны, с народной культурой России, в основном сельской, а с другой — с ее элитой, заботившейся о народе и его культуре. Все это и определило, по-видимому, тот путь фольклориста и этнографа, который выбрал для себя в дальнейшем Владимир Владимирович².

У отца Володи была огромная домашняя библиотека, и сын с детства очень много читал. Самым сильным увлечением его юношеских лет было чтение книг о путешествиях, причем полярные страны интересовали его больше всех остальных. Уже на склоне лет Владимир Владимирович признался как-то, что подвиги Кнуда Расмуссена, Фритьофа Нансена, Руала Амундсена и других великих полярников вместе с восторгом порождали в нем жгучую зависть. Хотелось быть путешественником и только путешественником³.

Как пишет, вспоминая отца, сын Чарнолуцкого, Владимир Владимирович младший, события начала XX в. (русско-японская война и революция 1905 г.) повлияли на жизнь семьи Чарнолуцких. «Как и многие прогрессивные деятели того времени, мой дед Владимир Иванович был вовлечен в революционное движение. И как следствие — аресты, ссылка в Архангельскую губернию. При этом <...> он ухитрялся продолжать активную издательскую деятельность»⁴.

В 1906 г. Владимир Владимирович поступил в Санкт-Петербургское коммерческое училище и в 1914 г. окончил его. Одновременно он увлекался живописью и готовился к поступлению в Академию художеств. Он посещал классы живописи и рисунка Штиглица, а затем студию профессора Зайденберга с целью подготовки к поступлению в Академию художеств⁵. Однако начавшаяся Первая мировая война помешала осуществлению этих планов.

Владимир Владимирович участвовал в войне в качестве добровольца — вначале санитаром, а затем начальником обоза по оказанию помощи раненым, их эвакуации в тыл. В 1916 г. Чарнолуцкий был призван в ряды действующей армии. На фронте он был рядовым, а потом командиром взвода пулеметной роты. Военная служба закончилась демобилизацией после окончания войны в 1918 г.⁶.

В 1918—1919 гг. Владимир Владимирович живет в Петрограде, а затем в Новозыбкове и в селе Риловичи (недалеко от Новозыбкова). Здесь, в Новозыбкове, вместе с сестрой Татьяной он работает в уездном отделе народного образования. «Они создавали городские и сельские театральные студии, ставили спектакли, много ездили по окрестным селам. Все это было в русле семейных традиций. Они стремились организовать народную жизнь по-новому, неся культуру в массы»⁷. Однако бандитизм в селах, произвол уездных властей были небезопасны для молодых людей.

Татьяна в 1921 г. уезжает учиться в Петроград, где поступает в Академию художеств. В мае 1921 г. Чарнолуцкий женится на

Екатерине Васильевне Смирновой, учительнице одной из сельских школ близ Новозыбкова. Осенью того же года он по путевке Новозыбковского профсоюза был направлен на учебу в Петроградский географический институт. А 1 мая 1922 г. в Новозыбкове у молодой семьи родился сын Владимир. Жена Чарнолуского, Екатерина Васильевна, в 1923 г. поступила на 1-й курс Московского университета, оставив сына в Новозыбкове на попечении бабушки. На следующий год, получив комнату в Москве, она взяла к себе двухлетнего Володю⁸.

В 1922 г. отец будущего ученого, Владимир Иванович, опасаясь возможных преследований, оставляет Петроград и переезжает в Подмоскowie. Свою огромную научную библиотеку он передает в дар Публичной библиотеке им. М.Е.Салтыкова-Щедрина. Вскоре перебирается в Подмоскowie и мать Чарнолуского, Екатерина Матвеевна, вместе с семьей дочери, которая бросила занятия в Академии художеств и уехала из Петрограда. Все они поселяются в городе Пушкино Московской области⁹.

Студенческая жизнь Володи Чарнолуского, который остался один в Петрограде без всяких средств к существованию, была нелегкой. Чтобы обеспечить себе более или менее нормальную жизнь и возможность учиться в институте, надо было работать. И Владимир Владимирович работал: ночным сторожем, грузчиком в порту, чертежником и т.д. На заработанные деньги летом 1922 г. он смог поехать в студенческую научную экспедицию на п-ов Канин для изучения оленеводства у ненцев. Летом 1925 г. Институт методов внешкольной работы предложил В.Чарнолускому командировку в Крым с обслуживанием экскурсионных баз и затем заказал ему книгу-путеводитель о Крыме. Эта книга под названием «Южный берег Крыма» вышла в 1926 г. в издательстве «Вопросы труда»¹⁰.

По окончании института молодой ученый стал искать работу. Вот как он об этом вспоминает: «Я поступил на службу в почтовое отделение, как раз на место того почтальона, который обслуживал Государственное географическое общество. Это была временная работа, но она меня вполне устраивала. Сдав почту, я отправлялся в Публичную библиотеку. Условия работы там прекрасные, очень уютно и тихо. На стенах на особых подставках — бюсты великих ученых. Между ними мне грезилась (по крайней мере, мне очень хотелось, чтобы они там находились) и мои ученые-лопареведы — И.Шефферус, написавший еще в XVII в. знаменитую книгу о саамах — "Лаппония", и наш русский этнограф Н.Харузин, автор известной монографии "Русские лопари". А внизу, между рабочими столами, ходили озабоченные читатели — старцы с юношески восторженными взорами и юноши

с глазами умудренной старости. Шелест страниц, перевертываемых множеством рук в большом зале, звучал как своеобразная музыка. Эта музыка в те дни покорила меня на долгие годы»¹¹.

В 1926 г. Чарнолуским была выполнена первая работа, связанная с Севером: составлена по материалам экспедиции 1922 г. карта кочевков ненцев на п-ве Канин. Карта была представлена в Комиссию по изучению племенного состава населения СССР (КИПС), одобрена и рекомендована к печати, однако осталась неопубликованной.

В декабре 1926 г. Владимир Владимирович зачисляется старшим научным сотрудником в Лопарскую экспедицию Государственного географического общества (ГГО), руководимую проф. Д.А.Золотаревым. Кроме Золотарева и Чарнолуского в состав экспедиции входил также врач Ф.Г.Иванов-Дятлов. Золотарев должен был производить антропометрические измерения, Иванов-Дятлов заниматься врачебно-медицинским обследованием населения, а главной задачей Чарнолуского являлось исследование хозяйства, культуры и быта саамов. Чарнолуский выехал на Кольский полуостров в конце декабря 1926 г., чтобы связаться с Мурманским обществом краеведения и его председателем В.К.Алымовым, подготовить к середине января встречу остальных членов экспедиции на станции Пулозеро, создать условия для будущей работы (подыскать помещение для работы, для проживания сотрудников, достать олени упряжки для поездки на восток и пр.). Надо сказать, что в этом Чарнолускому очень помог заведующий Мурманским краеведческим музеем М.Н.Михайлов.

Работая в составе экспедиции, Владимир Владимирович совершил две поездки. Зимой 1927 г. он на оленьей упряжке проехал около 80 км от станции Пулозеро Мурманской (позже Кировской, теперь Октябрьской) железной дороги на восток до села Ловозеро (Ловозерский погост), после чего посетил саамские погосты: зимний Семиостровский, Каменский, зимний Иокангский, Лумбовский, а также деревню Каневку и село Поной. Этнографические работы велись главным образом в Иокангском и Лумбовском погостах. Возвращаясь назад, Чарнолуский посетил Кильдинский погост, Пулозеро и ряд мелких поселений на железной дороге. Собирая этнографический материал, исследователь составлял карту кочевков саамов (лопарей) разных погостов и их оленьих стад.

Вторая поездка ученого состоялась в августе—октябре 1927 г. в составе Кольской экспедиции АН СССР (Лопарская экспедиция стала ее частью), руководимой акад. А.С.Ферсманом. Морем был проделан путь от Архангельска до села Поной, погостов Соснов-

ского и летнего Семиостровского (село Варзино). Вместе с семиостровскими саамами исследователь пешком добрался до рыболовных тоней у озер Енозеро и Низявр, а с саамами летнего Иокангского погоста совершил выезд в тундру на сбор оленей после летнего вольного выпаса. В 1930 г. ГГО издает книгу Чарнолуцкого «Материалы по быту лопарей. Опыт определения кочевого состояния лопарей восточной части Кольского полуострова», в основу которой легли главным образом материалы второй поездки в составе Кольской экспедиции. К книге приложена карта погостов и маршрутов кочевков саамов на обследованной территории, которая называется Летний Наволок. Сюда входят погосты терских саамов (Иокангский, Лумбовский, Сосновский, Каменский), население которых составляет 71% всего саамского населения Летнего Наволока, и Семиостровский погост. Сюда же относится бывшее саамское, а ко времени посещения его Чарнолуцким уже русское село Поной. Владимир Владимирович подробно описал природные условия Летнего Наволока, этнический состав населения, занятия, типы жилищ. Работая в экспедиции, ученый собирал необходимые ему сведения путем личных наблюдений или опроса наиболее уважаемых старых саамов.

Большой интерес представляют его материалы о способах распознавания путей и ориентировки саамов в тундре. Он пишет, что саамы выработали «особую память и привычку к своему краю, навык разбираться в тончайших очертаниях контуров лесов на горизонте и протяженности холмов, в волнистом рельефе тундры <...> Интересно отметить, что лопари хорошо ориентируются в лесу зимою, летом же чувствуют себя менее уверенно и часто сбиваются с правильного пути»¹². Владимир Владимирович приводит, например, такой факт: в Куроптевском погосте один старый саам, будучи слепым, мог ездить зимой в стадо, что свидетельствует, по мнению исследователя, о том, что у саамов помимо зрения развито особое чувство местности. Саам может узнавать дорогу с закрытыми глазами «по тем потряхиваниям на неровностях почвы, по которым он едет»¹³. Из рассказов саамов Чарнолуцкий выяснил, что понятие «дорога» у них имеет четыре значения, которые обозначаются разными названиями. Это тропа (*пальгес*), дорога, соединяющая летнее и зимнее поселения одного погоста (*кайна*), плотная зимняя дорога (*роота*) и свежая дорога, по первому следу (*секкас*). Чтобы не сбиться с пути, дорогу определяют по звездам, пользуясь в основном Большой Медведицей и Полярной звездой, по направлению ветра, иногда по расположению на небе луны и солнца. Существуют и другие способы. Три большие главы книги посвящены занятиям саамов: оленеводству, рыболовству и охоте на пушного и морского зверя,

а также на дикого северного оленя — и влиянию этих занятий на весь бытовой уклад жизни. В целом книга «Материалы по быту лопарей» представляет собой уникальный труд этнографа-профессионала, содержащий массу интересных, неизвестных до того времени сведений о хозяйстве, культуре и быте саамов восточных районов Кольского полуострова.

Этнографические работы в составе Кольской экспедиции в 1930 г. были прекращены, но Владимир Владимирович продолжает сбор материалов по этнографии и фольклору саамов, работая в экспедициях ГГО, Мурманской землеустроительной партии, Всесоюзного арктического института и т.д. Одной из его задач была разработка проблем, связанных с развитием хозяйства коренного населения Мурманского края. Особенно много внимания ученый уделяет изучению оленеводства саамов. Им был составлен проект организации Каневского оленеводческого совхоза. Чарнолуский подолгу работает в землеустроительных партиях. В результате им был разработан детальный план пастбищеоборота, предложены решения других вопросов выпаса оленей в государственном хозяйстве. Все это стало возможным потому, что Владимир Владимирович хорошо знал особенности традиционного хозяйства коренного населения. Чарнолуский участвует в организации одного из первых коллективных хозяйств на Кольском полуострове — Ивановского оленеводческого колхоза, в котором объединились саамы Каменского погоста и местные коми-ижемцы. Базой этого колхоза стала деревня Ивановка (саамское название — Чальмны-Варре). Одним из результатов этой работы была составленная Чарнолуским записка для Комитета Севера (Комитет содействия народностям северных окраин при ВЦИК) по общим вопросам оленеводства на Кольском полуострове. Кроме того, в эти годы выходят его статьи: «Заметки о пастьбе и организации стада у лопарей», «Пастбища и приемы выпаса оленей», «Оленья изгородь»¹⁴. В них ученый характеризует особенности оленеводства саамов, которое рядом черт (применение летнего вольного выпаса, использование во время выпаса дымокуров, оленьих сараев и изгородей, форма оленьей упряжки и др.) отличалось от оленеводства других северных народов. Продолжая изучение хозяйственных занятий коренного населения Кольского полуострова, Владимир Владимирович в 1933—1935 гг. исследует на Терском берегу Белого моря местные промыслы.

Если говорить о личной жизни Чарнолуского, то следует признать, что она не сложилась удачно. С самого начала и в продолжение последующих тринадцати лет супруги жили отдельно друг от друга (один — в Петрограде, другая — в Москве), и в результате их брак в 1934 г. закончился разводом¹⁵.

В.В. Чарнолуский. Середина 30-х годов

Чарнолуского в его исследованиях интересовали не только прикладные вопросы этнографии. Он тщательно изучает фольклор саамов. Общаясь с ними, он записывает слова их родного языка, составляет словарь саамских слов и выражений. Работа фольклориста вообще сложна, а северного фольклориста — особенно. Нужно затратить очень много сил, чтобы «раскачать» человека, говорящего на другом языке, и записать от него хотя бы несколько фольклорных произведений. А народы Крайнего Севера не особенно охотно раскрываются перед «чужими». Владимир Владимирович проделал огромную работу по записи фольклора саамов. Зная язык народа, ученый иногда сначала записывал фольклор на его языке, а потом уже переводил на русский. Это давало возможность сохранить в переводе особую поэтичность и образность, присущую фольклорным произведениям. «Произносятся вслух записанные по-саамски тексты, — пишет Чарнолуский, — я улавливал своеобразие стиля сказителей, что и старался передать впоследствии при обработке сказок. Каждый из них имеет свои речевые особенности, приемы и манеру сказывания. У каждого своя интонация. У одного стиль сказывания словно свысока — он рассказывает о больших людях маленьким, тон часто повелительный (М.И.Титов). Н.С.Матрехин умиляется.

У.П.Тарунова всегда вела сказ лаконично. В.В.Койбина, наоборот, очень любила сентенции, она бранила или осуждала своих героев, и все они у нее словно бы кукольные»¹⁶. Иногда запись сказок шла сразу на русском языке.

Подвижническая одержимость ученого помогла ему сохранить для этнографической науки и древние эпические произведения маленького народа, и мифы незапамятных времен, и бывальщины, и сказки, и многое другое, что позволяет представить жизнь саамов в полном объеме. Кроме того, им было сделано множество прекрасных зарисовок предметов быта, одежды, жилых и хозяйственных построек, типов людей, пейзажей. Изучая саамскую одежду, ученый не только пользовался информацией пожилых мужчин и женщин, касавшейся прошлого, но и составлял выкройки современного костюма (зимнего из оленьих шкур, летнего из тканей, обуви и разнообразных головных уборов). Среди собранных исследователем материалов имеется большое количество фотографий. В конце 20-х годов, когда Чарнолуцкий впервые попал на Кольский п-ов, у саамов еще сохранялись традиционные формы жизни и культуры, утраченные ими в дальнейшем. Поэтому материалы ученого, собранные в тот период, имеют для нас огромную ценность. С 30-х годов, в частности в связи с коллективизацией, начинается усиленное влияние комижемцев на оленеводство и культуру саамов.

Исследования Чарнолуцкого в области фольклора заинтересовали специалистов, и в 1935—1936 гг. он по поручению проф. Б.М.Соколова был командирован фольклорной секцией Союза писателей СССР для сбора фольклорных материалов у Кольских саамов. Его первая поездка состоялась к мончегорским саамам, обитающим на губе Монча на оз. Имандра. Позже он собирал фольклор также и у других групп саамов. Его сказителями были знатоки саамских сказок и других фольклорных произведений: Устинья Павловна Тарунова (Иоканга), Марина Лазаревна Матрехина (Иоканга), Анна Васильевна Железнякова (Ловозеро), Ирина Фоминична Койбина (Каменский погост), Петр Васильевич Сорванов (г. Мончегорск), Варвара Ивановна Куроптева (Иоканга) и многие другие. Уже в это время, в 30-е годы, Чарнолуцкий начинает собирать фрагменты одного из удивительнейших и очень заинтересовавших его фольклорных произведений саамов — мифа об олене-человеке Мьяндаше, который в седой древности пели в стихах. Этот миф ученому рассказывали (пели) терские саамы, жившие в восточных районах Кольского полуострова.

В 1938 г. успешно развивавшаяся научная деятельность Владимира Владимировича трагически прервалась. Он был необоснованно арестован, осужден по 58-й статье и отправлен на Се-

вер. Одним из мест его заточения был Каргопольлаг, в годы войны — лагеря на Урале, а затем после пяти лет заключения — два года подневольных работ в трудармии в Куйбышевской (ныне Самарской) области, после чего в течение года (с 1944 по 1945 г.) он работал пастухом в подмосковном совхозе в поселке Снегири. Все это на долгие годы буквально выбило его из жизненной колеи. Не могло быть и речи о занятиях наукой.

Наконец в 1945 г. Владимир Владимирович получает паспорт. Однако и после освобождения в течение долгих лет Чарнолуский по психологическим причинам не может вернуться к любимому делу, а зарабатывает себе на жизнь трудом художника-оформителя, рисует плакаты, оформляет книги, выполняет различную техническую работу по их изданию. Он живет один в маленьком домике в подмосковном городе Пушкино. В 1958 г. Чарнолуский выходит на пенсию, и с этого времени начинается новый, очень плодотворный в научном плане период жизни ученого.

В конце 50-х годов Чарнолуский приходит в Институт этнографии (ИЭ) АН СССР в Москве. Институт располагался тогда в небольшом старинном особняке на улице Фрунзе (в 1990 г. этой улице вернули ее прежнее название — Знаменка). Институт занимал на втором этаже одну большую комнату, из которой вели двери в четыре сравнительно небольших помещения. В одном из них находились сотрудники отдела народов Европы (как Европейской части СССР, так и Зарубежной Европы), в другом — сотрудники сектора антропологии и сектора Америки, в третьем — располагалась институтская библиотека вместе с маленьким читальным залом, а в четвертом — канцелярия, из которой можно было пройти в две маленькие комнаты: в одной из них сидел директор Института, известный ученый, исследователь древнего Хорезма С.П.Толстов, в другой — два его заместителя: антрополог М.Г.Левин и этнограф-африканист И.И.Потехин. Хотя Институт этнографии занимал очень небольшое помещение, сотрудники могли общаться друг с другом, обсуждать различные научные проблемы, проводить дискуссии. В этом же здании располагался Институт государства и права АН СССР, и на четвертом этаже находился общий конференц-зал, где оба Института проводили конференции, сессии и т.д.

Появившись в Институте, Чарнолуский стремится восстановить прежние научные связи, и, конечно, больше всего его интересуют исследования, ведущиеся по саамам. В то время в ИЭ создается новый сектор во главе с известным ученым-сибиреведом Б.О.Долгих¹⁷ по изучению социалистического строительства у малых народов Севера. К малым народам Севера относятся и саамы. В это время Чарнолуский знакомится с автором данных

строк, которая, окончив МГУ, поступила в ИЭ и занималась изучением саамов. Научные контакты между нами очень скоро переросли в добрые дружеские отношения. Скромность, интеллигентность и дружелюбие отличали этого человека. Владимир Владимирович был очень одарен от природы, он прекрасно рисовал и обладал большим художественным вкусом. Кроме того, он был очень прост в общении и никогда не давал почувствовать собеседнику своего превосходства.

Чарнолуский ко времени своего появления в Институте был уже на пенсии. Его не приняли в штат Института, не работал он и по договорам. Чарнолуский занимался в основном обработкой своих материалов, рукописей, готовил к изданию сборник саамских сказок, работал над «Очерками по истории саамов», над книгой «В краю летучего камня» и др.

У Владимира Владимировича дома хранился большой личный архив. Это были многочисленные рукописи его работ, уже изданных или готовящихся к печати. Многие из них были снабжены рисунками и фотографиями, сделанными самим автором. Чарнолуский проявлял большой интерес к верованиям саамов, культовым местам и отправлению разных культов. Он сохранил рукопись русского перевода книги норвежского ученого И.Квигстада «Священные места и горы саамов в Норвегии», которую снабдил сделанными им самим рисунками священных камней-сейдов. Обычно это был один большой камень антропоморфного или зооморфного вида или целые горки из камней.

В архиве Чарнолуского долгие годы находилась также рукопись русского перевода с латинского книги Иоганна Шефферуса «Лаппония» (1673 г.). Эта редкая книга, переведенная вскоре после ее написания на многие европейские языки, до сих пор не опубликована на русском. В 30-х годах перевод «Лаппонии» на русский язык был сделан по инициативе Мурманского общества краеведения латинистом В.С.Золотиловым. Перевод был напечатан на пишущей машинке на тонкой бумаге в пяти экземплярах. Со временем сохранились только два экземпляра: у директора Мурманского краеведческого музея М.Н.Михайлова и у Владимира Владимировича, который любезно передал свой экземпляр мне. В настоящее время копии перевода В.С.Золотилова, как и его первоначальный перевод, хранившийся у М.Н.Михайлова, находятся в архиве Кольского филиала РАН (г. Апатиты).

В архиве Чарнолуского было очень много записей сказок. Часть из них к настоящему времени опубликована, а рукописи остальных хранятся в архивах Мурманского краеведческого музея. Кроме того, в этом архиве содержится обширная библиография: по саамам, карелам и финнам.

После того как Владимир Владимирович вышел на пенсию, он всецело отдался любимой работе: разбирал архив, готовил к печати новые публикации, систематизировал рисунки и фотографии, но главное — подготавливал к изданию собранные им в экспедициях фольклорные материалы.

В 1962 г. Издательство художественной литературы выпустило сборник саамских сказок в записи, переводе и обработке Чарнолуского¹⁸. Он был первым, кто выделил в фольклоре саамов разные жанры. Сказки саамов — *майнс*, в понимании самих сказителей, это «легкий» жанр. Сказки, как говорит автор, бывают самого различного содержания и разными по форме. «Особо выделяются детские сказки — парна-майнс. Тала-майнс — сказки о существе по имени Тала (на Западе этот Тала предстает в образе Сталло — человека сильного и опасного для саама), сказки о равках (вурдалаках), о купцах (называются купец-майнс), о царях — саре-майнс, о карликах чакли — чакли-майнс и т.д.»¹⁹. Кроме сказок Чарнолуский выделяет в фольклоре саамов *ловту*, или миф, легенду. «Здесь хороший сказитель очень строг к каждому слову. В старину ловты пели, словесная ткань их была стихотворной. Теперь в этой форме ловты забыты, рифмованные строки остались в очень редких случаях. К ловтам в нашем сборнике относятся фрагменты мифа о Мяндаше (Мяндашнийд), Найнас, Рухтнас»²⁰.

Третий вид фольклорных произведений саамов — *сакки* (по-русски — сказы, по-скандинавски — саги). Это рассказы на патристические темы: оборона родного края, военные подвиги саамских героев, эпизоды из эпохи «подземной войны» и предания о горах, озерах²¹. Четвертый вид — краткие шуточные рассказы назидательного характера — «бывальщины». И наконец, к пятому виду относятся *муштоллы*, т.е. «что на ум пало», «что на ум пришло».

В сборник «Саамские сказки» вошли отдельные фрагменты мифа о Мяндаше, в котором отразились тотемистические представления саамов, в частности культ дикого северного оленя. Этот миф ведет свое происхождение с древнейших времен, когда охота была основным источником существования. Мяндаш — олень-человек — занимает особое место в пантеоне саамских божеств. Это одно из главных божеств терских (восточных) саамов. Чарнолуский записывал этот миф по частям во время своих поездок. Он зафиксировал несколько вариантов стихотворного мифа, который в старину, по-видимому, пели.

Однажды, в январе 1928 г., после возвращения в Ленинград из экспедиции к саамам Владимир Владимирович отправился в Эр-митаж. Каково же было его изумление, когда на одном из стен-

дов с надписью «Пермский звериный стиль» он увидел отлитого из бронзы в конце I — начале II тыс. н.э. оленя-человека, очень похожего на Мяндаша Йоканги. После этого Владимир Владимирович усиленно занялся изучением коллекций Эрмитажа. В атласе А.А.Спицына «Шаманские изображения»²² он нашел около 30 подобных бронзовых бляшек, как бы напоминающих миф о Мяндаше. Отличие их от последнего состояло в том, что у этих человекообразных существ головы были не оленя, а лося. По мнению Чарнолуского, в этом не было ничего удивительного, так как культовым животным у населения огромных лесных пространств Пермского края был лось. И возможно, лось на Кольском Севере предшествовал в этом качестве оленю. Как считает Чарнолуский, эта аналогия может свидетельствовать о том, что в начале нашей эры между Кольским полуостровом и Пермским краем существовали определенные связи. Надо сказать, что многим исследователям эта гипотеза показалась спорной.

Кроме мифа о Мяндаше в сборник вошли также мифы (*ловты*) «Найнас» и «Рухтнас». «Найнас» — это миф и серия сказок о северном сиянии. В старину саамы почитали Солнце как божество, которое, по их верованиям, объезжало небо на олене и медведе. «Древнейший фольклор саамов посвящен детям Солнца — дочерям и сыновьям его. Они во всем похожи на обыкновенных жителей земли, простых людей — не случайно в сказке они спускаются с неба, чтобы жить с людьми. Враждебные Солнцу существа — пауки, лягушки, кузнечики — строят им разные козни»²³. Найнас — предводитель сполохов — взял в жены дочь Луны, прекрасную девушку Акканийди. Он отправил ее в дом своей матери, которая постелила им постель в амбаре. На ночь Найнас прилетал к жене, а как только занималась заря и небо начинало светлеть, Найнас оставлял свой дом и улетал обратно. Но Акканийди была также невестой сына Солнца — Пейвальке. И однажды Найнас не успел оставить дом до зари. Когда он «выскочил из дома наружу, жаркое Солнце ожгло его <...> Акканийди метнулась заслонить мужа от Солнца, но голова ее была не покрыта — Солнце схватило ее за волосы. Оно жгло ее. Она звала Найнаса-мужа, чтобы спас ее от Солнца, от жара его, она просила оросить ее водой! Но Солнце крепко держало в жарких руках дочь Луны, невесту Пейвальке. Когда оно сжалилось над нею, то вознесло в высокое небо и метнуло в лоно матери-Луны <...> И вот она сказка, о Найнасе, вся <...> прежде песнею пели»²⁴.

Рухтнас был мужем Разиайке-Настай, братом верховного божества терских саамов Каврая. Это был защитник саамов, изгнавший из пределов Летнего Наволока враждебных саамам су-

ществ, называемых «Тала». Тала — сказочный персонаж. Иногда его связывают с одним из тотемических предков саамов — медведем. Разиайке была очень красива и очень любила петь. Но Рухтнас не разрешил ей этого: боялся, что Тала услышит и похитит ее. Однажды, когда Рухтнас с братьями ушел по делам, Разиайке осталась дома одна. Она не послушалась мужа и стала петь песни. Проходивший в это время мимо Тала услышал, как поет Разиайке, утащил ее в свой дом и захотел сделать своей женой. Разными хитростями Разиайке избавилась от Талы и его матери Талакке. А вскоре вернулся и Рухтнас. «Все, что в амбарах у Талы было, все Рухтнас собрал, все увезли к себе и оленей угнали. Работники Таловы были рады жить у Рухтнаса <...> Разиайке по-прежнему правит порядок в своем доме и песни поет травам, ягелю рост дает, и золотое веретене в руках ее вертится <...> А вокруг оленцы малые, пыжики, бегают и резвятся, играют и прыгают вокруг дома хозяйки-матери их, Разиайке»²⁵. Кроме мифов в сборнике опубликовано более 30 сказок: детские («Олешка Золотые Рожки», «Сказка про медвежью лапу», «Мышка» и др.), про животных, о войне с чужью («Лаурикадж», «Сказ про Няластарца и его сыновей») и др.

Сборник «Саамские сказки» имеет большое научное значение. Опубликованный в нем фольклорный материал представляет собой прекрасный источник по происхождению отдельных групп саамов (миф об олене-человеке и др.), по отдельным моментам истории и военных столкновений лопарей с норманнами (сказ о старце Няле), шведами (сага о Лаурикадже), норвежцами (сага «Красивая Катрин»). Большой материал содержится в сборнике по дохристианским верованиям саамов (поклонение Луне, Солнцу и др.).

После возвращения к любимой работе, к занятию этнографией, Владимиру Владимировичу очень хотелось снова побывать на Кольском полуострове, посмотреть, какие изменения произошли в жизни саамов. И вот в 1961 г. эта поездка состоялась, она длилась около трех недель. Деньги для нее были выделены Союзом писателей СССР. Для ученого особенно интересно было посещение Лапландского заповедника, где, как уверен был Чарнолуцкий, «должен сохраниться в неприкосновенности дикий олень, его образ жизни, а в сознании саамов — легенды о диком северном олене»²⁶, а также знакомство с новым Ловозером.

Заповедник дикого северного оленя, или Лапландский заповедник, был организован в 1930 г. по инициативе научного сотрудника Александровской биологической станции Германа Михайловича Крепса (1896—1944). Он же стал его первым директором (с 1930 по 1935 г.). «Сохранение природных ландшафтов

Кольского полуострова было главной, но не единственной задачей заповедника. Предполагалось, что он станет резерватом ценных охотничье-промысловых животных, восстановит численность видов, пострадавших от перепромысла, и обогатит охотничью фауну области»²⁷. Заповедник занимает территорию озерно-речной системы озера Имандры площадью около 1600 кв. км. После Г.М.Крепса директором стал О.И.Семенов-Тянь-Шанский.

Чарнолуцкий надеялся, что среди обслуживающего персонала Лапландского заповедника окажется много саамов. Но его ждало разочарование. Здесь жила всего одна саамская семья, состоявшая из бабушки Федосьи с внуками. «Бабушка Федосья кругла как горошина, перетянутая посередине. На поясе у нее позвякивали ключи, ножик в бисерном футляре, ножницы в чехлике и наперсток в бисерном чехлике. Одевалась она очень аккуратно: самшир на голове и беленькие каньги на ногах <...> Все это было очень хорошо, но у нее был всего один зуб. И этот единственный зуб мешал ей говорить. Тем не менее она очень живо откликнулась на мою просьбу рассказать ее сказки и легенды о диком олене»²⁸. Бабушке Федосье помогала внучка Таня. Вместе они записали сказку «Про диких».

Федосья посоветовала Чарнолуцкому съездить на кордон (там люди охраняли оленей и других животных от браконьеров), где живет саам Максимыч. «Он все про этих оленей знает», — сказала она. И действительно, он рассказал прекрасную сказку «Олень-дикарь (Мяндаш)», которая давно волновала воображение ученого, но ее приходилось собирать по частям. Позже, в 1965 г., легенда об олене-человеке была Чарнолуцким опубликована²⁹.

Теперь несколько слов о Ловозере 1961 г. и том впечатлении, какое оно произвело на ученого по сравнению с впечатлениями его первой поездки туда в 1927 г. В конце января 1927 г. Владимир Владимирович писал: «Поселок саамов едва заметен. От места, где он раскинулся, поднимается десятка два струек дыма. Домов не видно. Кажется, дым исходит прямо из земли, настолько саамские тупы вросли в землю <...> Каждая тупа есть не что иное, как простейший сруб из тесаных бревен. Наиболее старые тупы покрыты односкатной крышей, а поверх — дерном, травой или мхом <...> Ни одного нового дома, ни одного украшения или орнамента»³⁰.

В 1961 г. Чарнолуцкий увидел несколько кирпичных домов, в том числе жилых, большое каменное здание средней школы. В поселке появился водопровод с холодной и горячей водой. Большинство жителей жили в отдельных квартирах многоэтажных коммунальных домов со всеми удобствами. Нельзя согла-

ситься с Чарнолуским, что ядро поселка составляли аборигены Ловозерского погоста. Это не совсем так. Общая численность населения Ловозера начиная с 60-х годов и по настоящее время держится примерно на одном уровне — около 3700 человек, из них 800 человек — саамы, около 750 — коми, остальные — приезжие из других регионов страны (русские, украинцы, татары и др.). Однако прав Чарнолуцкий в том, что среди саамов не только коренные ловозерцы, которых большинство, но и жители других погостов: Вороненского, Чудзьяврского (Кильдинского), частично Пулозерского и некоторых других.

В целом Ловозеро в 1961 г. произвело на Владимира Владимировича очень благоприятное впечатление. В поселке шла активная культурная жизнь: работал Дом культуры, устраивались вечера танцев, приглашали актеров, показывали кинофильмы и т.д. Развивались новые отрасли хозяйства: огородничество, молочное животноводство. Продолжали заниматься и озерным рыболовством. К сожалению, в настоящее время сфера традиционных занятий саамов сузилась. Главным осталось оленеводство. Рыболовство и охота стали частными лицензионными промыслами. Без лицензий рыбу ловят оленеводы во время перекочевок в тундре. Жители поселка, в том числе пенсионеры, покупают лицензии, причем саамам полагаются определенные льготы. Охотой занимаются мало. Даже столь распространенный в недавнем прошлом зимний промысел белой куропатки теперь почти сошел на нет. Большим спросом пользуются покупные продукты. В то же время надо заметить, что в семьях, где кто-нибудь работает в оленеводстве, круглый год на столе бывает олень мясо.

Побывав в 1961 г. у саамов Кольского полуострова, Владимир Владимирович пишет книгу, в которой сравнивает жизнь коренного населения в конце 20-х—начале 30-х годов и в 60-е годы. Книга называется «В краю летучего камня». Она снабжена фотографиями и цветными рисунками, сделанными самим автором. Главное ее содержание — проникновенный поэтический рассказ о Земле Саамской и ее народе. К сожалению, ученый не увидел свой труд. Здоровье его было подорвано тяжелыми экспедициями и, конечно, годами заключения. Сердце все больше давало о себе знать. Последние годы жизни он работал с большим трудом и почти не покидал свой дом в Пушкине. Тем не менее книга «В краю летучего камня» была им закончена. К этому времени он снова жил вместе со своей женой Екатериной Васильевной, которая вела хозяйство, а также помогала Владимиру Владимировичу в работе. В результате очередного сердечного приступа 16 марта 1969 г. Владимира Владимировича не стало.

Рукопись книги «В краю летучего камня» пролежала в домашнем архиве Чарнолуцкого три года после его кончины. В 1972 г. она была издана сотрудниками Отдела народов Крайнего Севера ИЭ Т.В.Лукиянченко и Ю.Б.Симченко, которые написали послесловие «Об авторе и о саамах» и комментарии.

Первая часть книги касается более раннего времени. Чарнолуцкий вспоминает, как ехал из Ленинграда на Север по только что отстроенной Мурманской железной дороге, как знакомился из окна вагона с северной природой: прекрасными лесами на возвышенностях, чахлой растительностью на болотах, бесчисленным количеством озер. Отмечает, что по пути нигде не встретились старые небольшие поселения, а только такие маленькие города, как Сорока (теперь Беломорск), Кемь, Кереть. До Мурманска добирались двое суток.

Чарнолуцкий тогда поразился: «Города-то нет! Вокзала нет, улиц нет <...> На месте будущих улиц справа и слева проложены мостки. Кое-где стояли железные "чемоданы" — бараки из гофрированной жести. Палатки, опять бараки, около порта одноэтажные деревянные дома <...> На рейде всего пятнадцать пароходов»³¹.

Книга «В краю летучего камня» содержит очень много интереснейшей этнографической информации, особенно по быту, верованиям, фольклору саамов. Владимир Владимирович в конце 20-х и в 30-е годы не только объездил все погосты Летнего Наволока, но и обошел практически всю тундру, особенно те места, где в старину или в сравнительно недалеком прошлом саамы отправляли свои культы. Например, в устье реки Иоканги, посреди болотца, стоял сейд, внешне похожий на однокамерное рубленое жилище саамов — тупу. «Однажды весной, когда уже начали ловить семгу <...> молодые парни затеяли играть в лапту, а девушки пели песни и шумели. Вдруг из-за горы предстал старик с длинной бородой. Одет он был в самую простую одежду. Он поднялся так, что все его видели. Он возвысил свой батожок и погрозил им разгулявшейся молодежи. Посох его сиял. Другие говорили, что и одежды его сияли золотом. Народ испугался старца и разбежался кто куда. Вот это и был сейд. Тот, кто живет в камне»³². Иокангский сейд ушел из своего жилища, потому что слишком шумно стало вокруг, много народу ходит, особенно женщин. «Сейдушка собрался и ушел. А куда? А кто знает куда — улетел!»³³. Примечателен также разговор Чарнолуцкого с его проводником саамом Афоней во время их перехода по тундре. Владимир Владимирович просил Афоню сводить его на сейд Червечулт («роговой клин»). Однако Афоня очень удивился и сказал, что никакого Червечулта нет: «Это сказывают так нароч-

но старые люди <...> Червечулт и на Сыйвыне есть, и вон там, за Атчейог, — он везде есть, где олени держатся. А на самом-то деле его нет». — «Из этой тирады я понял, — пишет Чарнолуцкий, — что червечулт — понятие не материальное <...> видимо, червечулт — магический термин, символ для удержания оленей в определенном месте»³⁴.

В книге приводятся интересные сведения по организации рыболовного промысла саамов. Привлекает внимание, как саамы ведут себя на воде. «Во время лова рыбы все их движения медленны, они не торопятся, но как бы священнодействуют, говорят негромко, не бранятся, не стучат веслами. Первое правило — не шуметь и не стучать. Сети не забрасывают, их опускают осторожно в местах, хорошо известных на тоне <...> Заповедных озер, то есть водоемов, где рыбу обычно не ловят, а берут только в определенные дни года и только путем общественной путины, у каменных саамов было несколько <...> Обычно это самые богатые рыбой озера <...> Качеством рыбы славились озера Сейдьярв и Пурнач»³⁵.

Очень интересно описание религиозного обряда саамов, называемого *лыхте-верра*. «Огромный камень, очень похожий на голову оленя, скрывался под обрывом скалы, в глухом, затененном месте. Около этого камня, под одним из его навесов, приносились жертвы (*пальв*), совершались жертвенные трапезы в честь божества Мяндаша. Смысл их заключался в приобщении к священному животному-оленю путем его поедания. После трапезы все косточки собирались и раскладывались на правой половине шкуры убитого оленя. Раскладывались в строго определенном порядке — точно так, как они расположены в теле живого оленя, в его костяке. Полученный скелет покрывали левой половиной шкуры. Костяку и шкуре придавали позу живого спящего оленя»³⁶. Люди, съев оленя, полагали, что душа его осталась живой и олень снова вернется на землю к людям.

* * *

Владимир Владимирович Чарнолуцкий был первым этнографом, который работал у саамов Кольского полуострова после Октябрьской революции. Его наблюдения тем более ценны, что это было время (конец 1920-х годов) перед коллективизацией, когда хозяйство саамов, в частности оленеводство, и вся их культура еще сохраняли свои традиционные черты.

С именем В.В.Чарнолуцкого связана целая эпоха в изучении саамов Кольского полуострова. Свою жизнь, правда с очень большим вынужденным перерывом, он посвятил саамам и оста-

вил значительный след в изучении этого народа. Его наблюдения по хозяйству и быту, по поселениям и жилищам, одежде, верованиям и другим элементам самобытной культуры остаются ценными и в наши дни. Огромен вклад Владимира Владимировича в изучение и сохранение саамского фольклора. Многие собранные им материалы остаются еще неопубликованными и хранятся в фондах музеев или в частных коллекциях. Надо сказать, что вклад Владимира Владимировича Чарнолуцкого в отечественную этнографию и фольклористику был бы гораздо более весомым, если бы многие годы, проведенные им в заключении, были отданы любимой науке.

В 1993 г. шведская исследовательница Черстин Эйдлитц Куольйок в издательстве «Айтте» (Северная Швеция) издала шведский перевод книги В.В.Чарнолуцкого «Легенда об олене-человеке»³⁷.

¹ Чарнолуцкий В. (младший). По выбору души и волею судьбы. Вспоминая отца. — Северные просторы. 1994, № 5, с. 43; Биография В.В.Чарнолуцкого, составленная его женой Е.В.Смирновой и сыном В.В.Чарнолуцким (младшим). — Семейный архив Чарнолуцких, с. 1.

² Биография В.В.Чарнолуцкого, с. 1.

³ Лукьянченко Т.В., Симченко Ю.Б. Об авторе и о саамах (послесловие). — В.В.Чарнолуцкий. В краю летучего камня. Записки этнографа. М., 1972, с. 249.

⁴ Чарнолуцкий В. (младший). По выбору души и волею судьбы, с. 43.

⁵ Там же.

⁶ Биография В.В.Чарнолуцкого, с. 2.

⁷ Чарнолуцкий В. (младший). По выбору души и волею судьбы, с. 44.

⁸ Биография В.В.Чарнолуцкого, с. 3.

⁹ Там же, с. 2—3.

¹⁰ Там же, с. 3—4.

¹¹ Чарнолуцкий В.В. В краю летучего камня, с. 4.

¹² Чарнолуцкий В.В. Материалы по быту лопарей. Опыт определения кочевого состояния лопарей восточной части Кольского полуострова. Л., 1930, с. 47.

¹³ Там же.

¹⁴ Чарнолуцкий В.В. Заметки о пастьбе и организации стада у лопарей. — Кольский сборник. Л., 1930; он же. Оленья изгородь. М.—Л., 1931; он же. Пастбища и приемы выпаса оленей. Под ред. С.В.Керцелли М.—Л., 1932.

¹⁵ Биография В.В.Чарнолуцкого, с. 5.

¹⁶ Саамские сказки. Зап., пер., обработка, предисл. и примеч. В.В.Чарнолуцкого. М., 1962, с. 14—15.

¹⁷ Вайнштейн С.И. Судьба Б.О.Долгих — человека, гражданина, ученого. — Репрессированные этнографы. Вып. 1. М., 1999, с. 284—307.

¹⁸ Саамские сказки. М., 1962.

¹⁹ Там же, с. 12.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, с. 12—13.

²² Спицын А.А. Шаманские изображения. Атлас. — Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. 1906, т. VIII, вып. 1.

²³ Саамские сказки, с. 12.

²⁴ Там же, с. 78—79.

²⁵ Там же, с. 127—128.

²⁶ *Чарнолуский В.В.* В краю летучего камня. Записки этнографа. Послесловие «Об авторе и саамах» и комментарии Т.В.Лукьянченко, Ю.Б.Симченко. М., 1972, с. 107.

²⁷ Лапландский заповедник. Сост., авторы текста и фотографий О.И.Семенов-Тян-Шанский, Н.Н.Дельвин. М., 1984, с. 17—18.

²⁸ *Чарнолуский В.В.* В краю летучего камня, с. 110.

²⁹ *Чарнолуский В.В.* Легенда об олене-человеке. М., 1965; *он же.* О культуре Мяндаша. — Скандинавский сборник. XI. Таллин, 1966, с. 301—315.

³⁰ *Чарнолуский В.В.* В краю летучего камня, с. 244—245.

³¹ Там же, с. 7—8.

³² Там же, с. 37.

³³ Там же.

³⁴ Там же, с. 42.

³⁵ Там же, с. 68.

³⁶ Там же, с. 87.

³⁷ *Tjarnoluskij V.V.* Den vilda renen i myt och rit. Inledning och översättningar Kerstin Eidlitz Kuoljok. Yokkmokk, 1993.